

УЖОД В ЦИФР

БЕСЕДА С ЭКСПЕРТОМ В ОБЛАСТИ ИТ ГЕРМАНОМ КЛИМЕНКО

"ЗАВТРА". Герман Сергеевич, ещё лет 20-30 назад многие видели в компьютере очень большой калькулятор или "продвинутую" пишущую машинку. А теперь вдруг — цифровая экономика". В чём суть этого термина?

Герман КЛИМЕНКО. Какого-то одного, точного и полного определения здесь нет. Пять лет назад, когда государство, наконец-то, лоб в лоб столкнулось с интернетом, и стало понятно, что это уже не прострация досуга, а новая реальность, был создан Институт развития интернета. И вот мы проводим первое совещание. Я говорю: "На совещание пригласите, пожалуйста, представителей Центробанка". Вячеслав Викторович Володин как представитель власти на совещании с удивлением спрашивает: "Зачем? Это же интернет!" Я говорю: "Подожмите-подожмите, мы — уже давно не интернет, мы немножечко зазлели в банковскую систему, мы немножечко зазлели в медицину, мы немножечко зазлели в управление".

"Цифровизация" — это процесс передачи выработки и принятия решений от людей к компьютеру, то есть к программному обеспечению. Поясню на примере такси. Буквально пять лет назад в Москве было 6000 таксистов и 300 диспетчерских. Чтобы вызвать такси, нужно было позвонить на специальный номер и у диспетчера заказать машину. В каждой диспетчерской работало около 20 человек: диспетчеры, директор, бухгалтер, уборщица, охрана... То есть в 300 диспетчерских работало 6 000 человек, которые обслуживали 6000 таксистов. Коммерческую эффективность такой структуры пояснять не надо. Ниже нижнего! Так вот цифровизация — это когда 60 тысяч таксистов обслуживается, условно говоря, одной диспетчерской. Поэтому из бизнеса такси сразу вылетает 5000 "лишних" людей. Конечно, для всех сокращённых это болезненно. Это потеря работы. Неопределённость и неуверенность в будущем. Но эффективность и прибыльность бизнеса тут же летят вверх! Поэтому вы можете встретить сейчас термин не "цифровая экономика", а "цифровой концлагерь". На одной стороне весов цифровизация — это резкое увеличение производительности труда. Вплоть до абсолютной. С удалением административного класса. Его при цифровизации практически вообще нет. На другой — сокращения конкретных людей, безработица в целом спектре ещё недавно востребованных профессий.

Я привёл пример такси, но сюда можно добавить, строительство, торговлю, промышленность — что угодно! Цифровизация удаляет из системы производства и деловых отношений бюрократический класс, так называемые офис-менеджеры. Даже в таких сферах, как образование, журналистика и даже писательство. В идеале будут только человек — производитель продукта и компьютер — программная среда. Конечно, это пока футурология и фантастика, но она уже буквально за дверями. Если хотите, можете назвать это Скайнетом. Действительно, цифровизация почти под корень выбивает пласт чиновников, к которым мы за столетия привыкли и без которых совершенно не представляем свою жизнь. Возьмём, к примеру, многофункциональные центры предоставления государственных услуг города Москвы — МФЦ. Раньше вам нужно было искать время, идти в соответствующую контору, выставлять очередь к чиновнику, чтобы он поднял соответствующую базу данных и, найдя нужные вам сведения, сделал вам собственноручно документ, — например, копию права на земельный участок. Сотни тысяч людей в одной только Москве служили "бумагопроизводителями". Теперь для того, чтобы получить такую справку, вам вообще не нужно выходить из дома — просто через интернет заходите на сайт Госуслуг, заказываете нужные вам справки — и программа их вам готовит. Все! Из "системы" тут же вырезаются многие десятки тысяч бюрократов. Это и экономика вашего времени, и экономика бюджета. Но одновременно — и оставшиеся без привычной работы тысячи людей.

Потому, возвращаясь к вашему вопросу, можно сказать, что цифровизация экономики — это мечта всех экономистов: максимальная производительность труда. Но проблема заключается в том, насколько нужно её достигать? Акционеры компании, которые занимаются цифровизацией своего бизнеса, конечно, "за". А люди, которые смотрят на собственные перспективы в "цифровом обществе", вряд ли видят их радужными. И тут нужен некий баланс...

"ЗАВТРА". Из истории мы знаем о луддитах, которые на заре промышленной революции разрушали машины. Они считали, что машина — это оружие дьявола, которое делает их нищими. То есть человечество уже сталкивалось с аналогичной проблемой. Не возникнет ли теперь аналогичное движение против цифровизации, которая лишает людей работы и будущего? Насколько человечество готово перейти цифровизацию?

Герман КЛИМЕНКО. Пожалуй, это один из основных вопросов — как человечество пройдёт этот переходный этап. Конечно, это будет непростое. Оптимизация заменила собой рабочие места миллионов человек. Фактически уничтожила сотни престижных в недавнем прошлом профессий. И вопрос вопросов — найдёт ли "цифровая экономика" для этих людей рабочие места? Пока она находит рабочие места, мы это видим по сегодняшней COVID-19 истории, исключительно для курьеров. Мои коллеги из курьерного бизнеса сегодня не наряду-ются жизни. К ним идёт сейчас просто исключительно качественный контингент: официанты, менеджеры по продажам, фитнес-тренеры, баристы. Пока эти условия коронавирусной эпидемии. Но нужно понимать, что и дальше эти процессы будут развиваться. Новая реальность, "цифровая экономика" будет порождать и новый спрос, и новые карьерные траектории. К примеру, как стать лучшим баристой? До COVID в Москве было просто громадное количество кафешек, чуть ли не 17 тысяч, где просто кофе наливали в стаканчик. И там работали молодые ребята, варили кофе. Раньше, в советское время, какая была история? Я сам работал официантом, когда нужно было накопить какие-то деньги. Работа была временной. Она и сегодня пока ещё временная, под стойкой у многих бариста лежат учебники. Но по мере цифровизации, исчезновения целых групп профессий, карьера баристы может оказаться настоящей стезей. И учебник высшей математики, к примеру, заменит справочник по сортам кофе и сборник рецептов варки кофе. Вот сейчас бариста умеет делать 16 видов кофе. На соевом молоке, двойной прожарки, латте, капучино и так далее. Это — один деньги, один карьерный уровень. И он понимает, что когда научится варить 32 сорта и ещё делать рисунки на поверхности кофе, то перейдёт на другой уровень, в более престижное кафе. И у него будет уже не 50 тысяч, а 70 тысяч зарплата. Такая вот будет траектория карьерного роста...

Это мы хотели стать сперва программистами, потом начальниками отдела программирования, возглавлять институты. А в новой реальности, получается, что нет начальников отдела программирования. Если мы посмотрим на примере такси, то есть таксист. И у него критерий роста — это баллы, которые ему платят за то, что он лоялен системе, не совершает ошибок, не нарушает правил дорожного движения, даёт больше хороших заказов. У курьеров — такая же история. И вот у них карьерный рост туда ориентирован. Они считают это нормальным. Для меня это, может быть, дико. Но я прекрасно понимаю, что должности начальников убиваются. Нет больше начальников таксопарка, который мог распределить, построить сетку распределения правильной загрузки таксистов. Потому что компьютер с этим справляется мало того, что лучше, мало того, что быстрее, — так он ещё не боится и делает это онлайн. Вот такая "цифровая экономика".

"ЗАВТРА". Не возникает ли в результате всего этого новое средневековье, с его "цеховыми" традициями, когда сын баристы может быть только баристой, а сын прокурора — только прокурором? Люди этого откровенно боятся. Есть такая глобальная фобия на тему того, что миллиарды людей лишатся работы, будут закабалены машинами и посажены в этаким цифровой концлагерь...

Герман КЛИМЕНКО. А до этого они не были закабалены? Поменяется только тип закабаления. Раньше это был человек: хозяин, босс, барин, начальник, бюрократия в целом. А теперь — программная среда. Будет Яндекс вместо бюрократов. Какая разница-то?

"ЗАВТРА". В любом случае, люди боятся.

Герман КЛИМЕНКО. Боятся, потому что не понимают. "Живой" хозяин — это всегда простор для любого беспредела, а программа — это всегда алгоритм. И программа будет заботиться о баристе или таксисте намного эффективнее, чем "живой" начальник просто потому, что она "прописана" под максимальную эффективность. Программа будет контролировать здоровье работника не для того, чтобы им помыкать, а для того, чтобы он лучше работал. Вот уже сейчас программы следят за таксистами. При "живом" начальнике ведь какая эксплуатация была? "Душевная" эксплуатация. Тебе нужны деньги? Ну, так паши в две смены, в три смены, пока не заснёшь за рулем и не влетишь под КамАЗ или не доедешь до инсульта. А там нового найдём! А сервис о таксисте заботится, алгоритмы требуют, чтобы человек не перерабатывал. Чтобы он работал не больше 8-ми часов в сутки, делал перерывы в работе, чтобы он следил за своим здоровьем. Потому что опытный, безаварийный, хорошо отдохнувший таксист — это более высокая прибыль.

"ЗАВТРА". Получается, что цифровизация меняет метафизику человеческого развития? Меняется роль и место образования. Как мы с вами воспитывались? Образование — это возможность занять некую нишу на некоем более высоком социальном этапе. И этих этапов было много. Какой тогда смысл учиться в эпоху, когда жизненная карьера становится карьерой баристы?

Герман КЛИМЕНКО. Высшее образование в корне поменяло свою функцию. Сколько процентов выпускников вузов в дальнейшем работает по своим специальностям? Если не брать медицинские вузы, это около 37%. Почему? Потому, что минимум для трёх поколений наших соотечественников это была "бронь" от армии, а также источник престижного статуса обладателя "корочки", "поплавка". Вы же знаете, что ни в одной другой стране мира нет столько выпускников вузов на тысячу человек, как у нас. И две трети этих дипломов пылятся в семейных архивах. А куда сегодня идёт выпускник педагогического ВУЗа или, к примеру, инженерного? В школу и на завод? Только определённый процент, а остальные — туда, где больше платят. В любом салоне по продаже престижных иномарок до эпидемии можно было найти целый букет выпускников вузов, не имеющих никакого отношения к продаже авто. То же самое — в офисах крупных торговых компаний.

В 90-х годах мы выпускали ежегодно 20 000 юристов и 20 000 юринок. Прошло 30 лет. Вот как вы думаете, какая сейчас картина?

"ЗАВТРА". Я думаю, что юристов стало гораздо меньше...

Герман КЛИМЕНКО. Юристов-то как раз стало больше, юристов мы выпускаем теперь 150 тысяч человек. А медиков — всё так же 20 тысяч. Для того, чтобы запустить медицинский вуз, нужны очень серьёзные вложения, это качественно иное образование. И, главное, нашей медицине необходимо как раз 20 тысяч выпускников в год. Для них есть места, есть работа. А вот с юристами всё иначе: получил диплом — и дуй на все четыре стороны.

И тут цифровизация просто ставит молодого человека перед реальностью: либо у тебя есть профессия, и ты в ней востребован, — либо ты просто лишний в новой системе отношений "человек — программная среда". И всё сразу становится на свои места. Малышки вспоминают, что можно пойти работать официантом и зарабатывать, кстати, весьма неплохо. Можно пойти в автостерскую, (все малышки же любят автомобили) и тоже, кстати, весьма неплохо зарабатывать чуть два года.

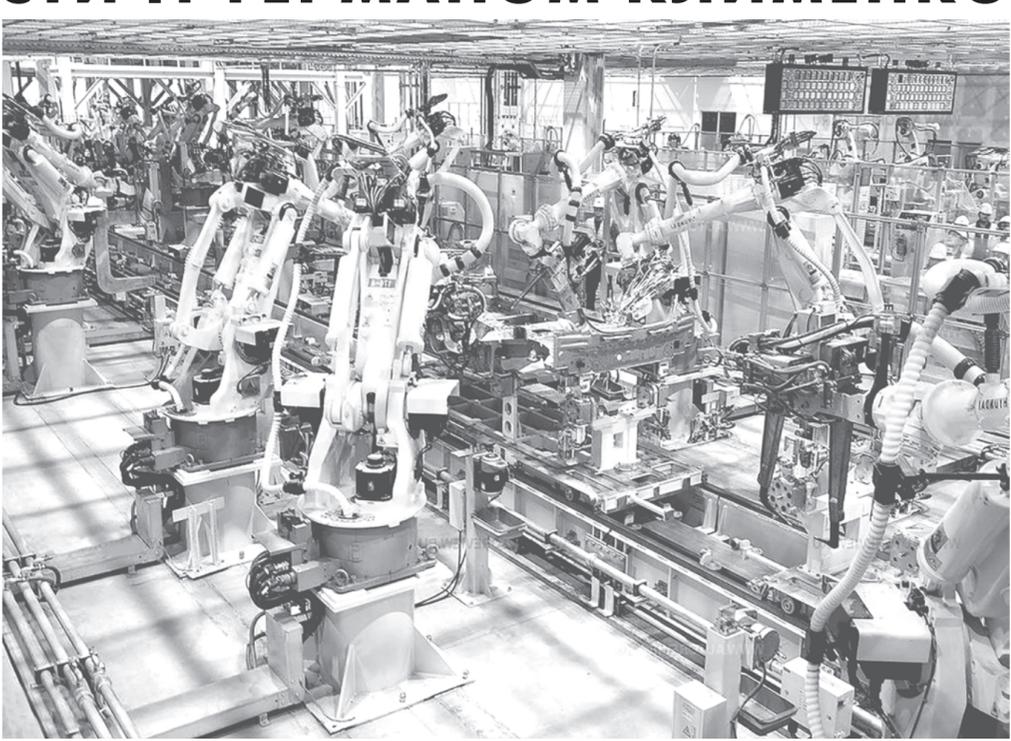
Так вот, "цифра" здесь привнесит огромную новую историю. О работе бариста. Давайте под работой бариста подразумеваем разнообразные простые истории, когда человеку платят достаточно денег. Такое классическое потребительское общество, когда человек сможет, работая официантом или автослесарем, завести детей, взять ипотеку. А потом у него появится сын, который унаследует работу официантом и дальше будет идти... Это, кстати, не так плохо, как кажется. Потому что у нас в стране проблема: есть династия юристов, но нет династий слесарей. Это не является по-настоящему историей.

"ЗАВТРА". Мне кажется, что наш разговор о будущем образовании в условиях цифровой экономики всё равно сводится к мировоззренческому спору о смысле образования в XXI веке. Условно говоря, зачем баристе или потомственному сантехнику знание тригонометрии, астрономии или истории Древнего мира?

Герман КЛИМЕНКО. Мы сейчас можем начать спор, где, с одной стороны, есть доводы за узкую специализацию, а с другой — за широкие фундаментальные знания. Но давайте пойдём от конечной задачи образования. Для государства задача заключается не в том, чтобы юноша, приехавший из какого-нибудь Латыриино, поступил в МАРХИ, отучился там и создал ещё не один прекраснейший дом на Тверской. А чтобы он вернулся обратно в Латыриюно и построил там давно нужный этому городу мост. Приехать из региона в центр, обучиться, вернуться, и жить там полноценной жизнью, поднимать регион. А у нас — вечная проблема "Трёх мушкетёров". Помните, из героев этого романа только Д'Артаньян очень гордился своей Гасконью. Человек вырывается из Твери или Томска, селится в Москве, и вот он — уже "москвич", причём с алломбом и брезгливостью по отношению к "провинциям", его породишь. Сегодня люди стараются свою региональность тут же убрать, забыть об этом и никогда туда не возвращаться. И это во многом связано с тем, что в регионах нет сегодня условий для нормальной учебы и работы. Что слишком велик разрыв в уровне жизни между Москвой и, к примеру, Курском. И задача цифровизации — сглаживать эту проблему. Я понимаю, что это не очень красиво звучит, но цифровизация, привнесённая в регионы, даёт шанс стране... Системно мы можем резко поднять качество образования.

"ЗАВТРА". Так кого государство хочет вырастить? Творца или квалифицированного потребителя?

Герман КЛИМЕНКО. Когда мы работали с врачами, они всё время говорили: "Вы хотите держать нас на ничтожках искусственного интеллекта, нейросетей...". А мы отвечали: "Нет! Мы просто хотим жить!" Лично я как человек хочу прийти в медицинский центр, и чтобы там было не как сейчас, когда ты должен записываться к каждому врачу, обходить их всех одного за другим, а если живёшь в провинции, то ещё и ехать куда-то в крупный город за консультацией. Это в своё время, когда Антон Павлович

Безлюдный мир роботов.

Чехов был доктором, когда к нему прибегали: "Антон Павлович, срочной Агафья чей-то зануджила!" И что он мог сказать? "Запрягайте лошадей, поедем посмотреть..." Или: "Везите сюда Агафью, как это без очного осмотра?" Сегодня на дворе 2020 год, есть компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, анализы крови, УЗИ. Врачу эта Агафья сегодня перед глазами не нужна, откровенно говоря. Она только мешает. Потому что своим оптимизмом или, наоборот, пессимизмом мешает доктор объективно оценить данные. Когда мы заходили в медицину, нас обвиняли, что мы хотим манипулировать медиками, поставить их под контроль бездушной машины. Но, когда выявляют опухоль на КТ, определяют её размер, врач почему-то доверяет машине. А "заочная" медицина — почему-то табу... Цифровизация — это инструмент. Он может помогать, а может и вредить. Всё зависит от того, в чьих руках находится. Как столовый нож — это всего-навсего нож. Одни им режут хлеб, а кто-то пытается резать головы. Но на этом основании мы не запрещаем ножи. Нужно уметь ими пользоваться.

"ЗАВТРА". Насколько Россия готова к этой гонке за цифровизацию будущего? Как вы оцениваете состояние этого процесса?

Герман КЛИМЕНКО. Как говорят, хороший вопрос. В общей цифровой истории мы всегда говорили, что мы — молодцы. У нас есть Яндекс, у нас есть Рамблер, у нас есть ВКонтакте. Но при этом нет ни одной нашей компании в глобальном поле... Ну, Яндекс где-то есть, но в топ-10 нас нет. И это — наша проблема. Мы пока, как обычно, — поставщики интеллектуального материала на Запад. Сейчас, правда, ещё стали отдавать материал и на Восток. Закрыта не заканчиваются. Как-то удивительно построена система образования. Причём, к счастью, в отличие от Европы, например, нам хотя бы для себя чуть-чуть остаётся. Ровно столько, чтобы как-то имитировать счастье, но не настолько, чтобы можно было проворваться вперёд. В любой компании мира можно найти российских программистов. А мы всё время идем у себя место для цифровизации, взвешиваем, спорим... И это — одна из самых больших наших проблем. Мы никак не можем ни на что решиться и улупсать время. А ведь давно есть Китай, с его очень чёткой стратегией в области цифровизации. Есть Америка, с её очень чёткой стратегией. И есть мы, которые не движемся никуда. Сможем ли мы выжить сами? Мы так вопрос даже не ставим. Почему?

Приведу пример. Вот вы, например, министр энергетики, а я — министр промышленности. И мы говорим: давайте построим завод по производству чпуна, нам нужно. Но вам этот завод нужен в Вологде, а мне — в Липецке. И пока мы не согласуем место, завода не будет. А согласовывать можно до бесконечности — нас же никто никогда не гонит. Это может даже продолжаться со следующим министром, и так далее. Пока чью-то не перетянет. Но за это время в Китае уже пять заводов будут стоять! Потому что все решения там давно принимаются в "цифровом" пространстве, к которому подключены все структуры, и всё это идёт в режиме реального времени. Там фраза "годик на обдумывание" — это заявление на увольнение, а у нас это норма управления. Я очень хорошо помню, когда лет десять назад к нам приехали китайцы, мы им показывали свои достижения, что мы можем сделать, и они говорили: "Великолепно!" Они у нас тогда всё увидели и у себя сделали, а мы ничего не сделали! И пока мы до сих пор выбираем. Мы до сих пор пишем концепции. Вот буквально недавно мы приняли программу развития искусственного интеллекта. И кому же её поручили исполнять? Думаете — нам, айтишникам? Нет, конечно! Как нам можно поручать? Это же деньги! И он играет роли, что мы за десять лет не завалили ничего из нам порученного. Неважно! Деньги надо давать тем, кто "умеет" ими распоряжаться. И дали! Кому? Сбербанку! Вдумайтесь в саму постановку вопроса! За искусственный интеллект в стране отвечает Сбербанк. А за квантовые компьютеры отвечает Росатом.

И сразу понятно, что ничего из этого не получится. Просто в силу идеологии этих структур! И Сбербанк, и Росатом — это очень консервативные организации. У них задачи очень простые. У Росатома — чтобы не рванул новый Чернобыль. А у Сбера — чтобы деньги вкладчиков были целы. Весь банк сверху донизу пронизан словом "надёжность". И Росатом пронизан словом "надёжность". А каким словом пронизана IT-индустрия? Мы раньше это называли "из дерьма и палок", но так нельзя выражаться в приличном обществе. Поэтому придуман термин MVP — "минимально работающее решение". Вот вы придёте работать в Гугл — и вам сначала обязательно покажут "кладбище Гугла". Кладбище неудачных решений и проектов. Это важно. Потому что на этих кладбищах мы учимся. И в Яндексе вы придёте — они тоже гордятся своими кладбищами...

А теперь представьте, что вы приходите в Росатом, и там вам говорят: "Вот здесь был большой Чернобыль, вот здесь был маленький Чернобыль..." Они генетически заточены на надёжность и безопасность, а потому просто не смогут, что-то революционное родить. Как и Греф, которого я лично глубоко уважаю. И ижус-

ственный интеллект, и квантовый компьютер могут создать только ребята "с мозгами набекрень".

Это к ответу на вопрос, где наше место. У нас было место, был шанс, но мы его упустили. Точнее почти упустили.

"ЗАВТРА". Так всё-таки, где мы сейчас, какое у нас место?

Герман КЛИМЕНКО. За Китаем и Америкой. Оно достойное — третье. Но их всего три. Это очень важно понять! А скоро мест останется вообще два. Третье постоянно размывается, сливается с общим фоном, где сидят сто стран, отставших от цифрового будущего и потому зависими. Сами по себе люди останутся, никогда не денется Игорь Машук, никогда не денется Аркадий Волож. Просто всё больше услуг, созданных нами, будет уходить туда, где первые два места. И они уже уходят!

"ЗАВТРА". То есть наши компании просто начинают "выплескиваться" в Америку и Китай?

Герман КЛИМЕНКО. Нас не побеждает Китай, нас не побеждает Америка — мы самовытеснением занимаемся. Наши законы, наша система управления. Та же история с Павлом Дуровым и его "телегой"... В итоге, даже если люди здесь сидят, компании здесь работают, то работают не на Россию. Теперь оказывают услуги немцам, китайцам, на весь мир работают. Сейчас стартапов, которые работают на Россию, вообще почти нет. Они у нас просто не востребованы.

"ЗАВТРА". Как Тесла в Сербии в своё время? Мы говорили о нашем месте в цифровой революции! И есть вопрос, напрямую связанный с этой темой. Какова сегодня ситуация в области компьютерного "железа"? Противники нынешней цифровизации говорят о том, что мы работаем на "железе", которое сами не производим. Что все маршрутизаторы, серверы, чипы, карты и всё остальное — иностранного производства. Что если всё это нам просто перестанут продавать, мы рухнем. И что в итоге это приведёт к потере суверенитета. Насколько оправдана, на ваш взгляд, такая позиция?

Герман КЛИМЕНКО. Если завтра в Россию запретят завод процессоров, серверов, мы действительно окажемся в глубоком кризисе. Но это — не повод для того, чтобы пытаться любой ценой строить своё. Я с большим уважением отношусь к коллегам, которые пытаются сделать какие-то решения и, наверное, для атомной бомбы это надо. Но давайте честно признаемся в том, что в современном глобальном мире невозможно быть первым везде, всегда и во всём, а потому надо идти искать союзников, партнёров, в одиночку добиться всего нельзя. Есть такое понятие, "мировое разделение труда", и оно не пальцем нарисовано. Сегодня в мире практически нет сложных систем, стопроцентно локализованных в одной стране. В любом американском, немецком или японском автомобиле будет доля китайских, корейских или иных иностранных комплектующих. И наши отечественные процессоры изготавливаются на фабриках китайских, тайваньских — неважно. Такова реальность.

Надо обманывать власть и говорить, что мы будем производить свои процессоры, дайте нам на это ещё триллион. И поэтому есть другой путь, единственный путь: производить продукт, без которого не обойтись в общем балансе. Я так скажу: если бы мы хорошо летали в космос, никакая бы дрань сейчас не могла бы шантажировать нас процессорами. Если бы вместо финансирования производства отечественных процессоров эти деньги потратили бы на космос или на те же новейшие плавучие АЭС, такие вопросы сейчас бы вообще не поднимались.

"ЗАВТРА". Так можно защитить суверенитет или всё потеряно?

Герман КЛИМЕНКО. Термин "суверенитет" в разные времена имел разный смысл. Например, когда-то не было понятия двойного гражданства. Ну, какой может быть суверенитет, если у вас руководителем банка может быть гражданин другого государства? Пришли наши органы власти об этом не знают... И когда он уезжает из России, укрыв все деньги, вдруг выясняется, что он — гражданин страны, которая своих преступников не выдаёт. Это суверенитет? Поэтому про какой суверенитет мы говорим? Про цифровой?

Путин ещё в 2010 году постановил полностью заместить импортное отечественным. Но почему в администрации президента до сих пор на компьютерах стоит Microsoft, я не знаю сам, у меня нет ответа на этот вопрос я пришёл, когда это всё произнёс, на меня посмотрели, как на... чудака, скажем так. Такая вот у нас цифровизация...

Беседовал Владислав ШУРЫГИН

В эти дни исполняется 100 лет одной из наших старейших постоянных читательниц, **ПОЛЯКОВОЙ Наталье Ильиничне.**

Долгие годы Наталья Ильинична работала старшим научным сотрудником Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и внесла огромный личный вклад в формирование фондов и экспозиций этого флагмана отечественной и мировой культуры, воспитала целую плеяду учеников, которые работают в российских и иностранных музеях. И сегодня она полна жизненной и творческой энергии, всегда готова поддержать словом и делом нашу работу. Вызывает восхищение их семейный союз с народным художником России, почётным членом-корреспондентом Российской Академии Художеств Геннадием Федоровичем Ефимочкиным.

Поздравляя Наталью Ильиничну с её славным юбилеем, желаем ей крепкого здоровья и многога лета!

Редакция "ЗАВТРА"

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Собрание сочинений I том "Восстание праха" (изд. "Русский мир"). II том "От четырёх ветров приди" (изд. "Русский мир") — справки по тел.: 8 (909) 629-26-81 III том "Чаша врагу" (выпущено Товариществом научных изданий КМК) — справки по адресу: info@avtor-kmk.ru.

Книга Джамбулата УМАРОВА "Фактор КРА. Противостояние". Справки по телефону: 8-985-256-91-24

Джуплетто КЬЕЗА. "Цугцванг для человечества", публицистика. Справки по телефону 8 (985) 256-91-24

Книга Игоря ШУМЕЙКО "10 мифов об Украине". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Иван ЧИГИРИН "Сталин. Болезни и смерть. Документы". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Яков СЕМЁНОВ "Жизнь без черновика. Воспоминания полковника КГБ СССР". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Книга "Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин. Свидетельства очевидца" (Артём Сергеев. Екатерина Глушик) и книга Екатерины Глушик "Пути исповеди" (публицистика). Справки по тел.: 8-985-256-91-24

Память о Владимире Сергеевиче Бушине побуждает людей писать стихи, эссе, песни. Это настоящее народное творчество. И нужно собрать эти отклики души и издать книгу памяти нашего незабвенного Владимира Сергеевича. Свои работы можно прислать на адрес редакции (почтовый или электронный) для Глушик Екатерины. Вышли в свет новые книги Бушина: "Выход есть", "Народ не обманешь", "Козлы и бараны, почившие и живые".

Справки по телефону 8-915-356-30-89

Подписной индекс газеты "ЗАВТРА" — 32525 в Объединённом каталоге «Пресса России»

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: http://zavtra.ru/ Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Тираж 21 550

Заказ № 2456-2020

Дата выхода в свет — 24.06.2020 г. Подписано в печать 23.06.2020 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор **Александр ПРОХАНОВ**